

Александр Грин

Подземное

Александр Грин

Подземное

«Public Domain»

1907

Грин А. С.

Подземное / А. С. Грин — «Public Domain», 1907

«– Ну, что вы на это скажете? Шесть пар глаз переглянулись и шесть грудей затаили вздох. Первое время все молчали. Казалось – невидимая тень близкой опасности вошла в тесную комнату с наглухо закрытыми ставнями и вперила свои неподвижные глаза в членов комитета. Ганс, продолжая рисовать карандашиком на столе, спросил, не подымая головы: – Когда получено письмо, Валентин Осипович?..»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Степанович Грин

Подземное

I

– Ну, что вы на это скажете?

Шесть пар глаз переглянулись и шесть грудей затаили вздох. Первое время все молчали. Казалось – невидимая тень близкой опасности вошла в тесную комнату с наглухо закрытыми ставнями и вперила свои неподвижные глаза в членов комитета. Ганс, продолжая рисовать карандашиком на столе, спросил, не подымая головы:

– Когда получено письмо, Валентин Осипович?

– Сегодня утром. Было оно задержано в пути или нет – я не знаю... Факт тот, что оно пришло к нам на двое суток позже его...

– Вот так фунт изюма! – произнес Давид и рассмеялся своей детской улыбкой, обнажившей ровные, острые зубы.

– Товарищ, прочитайте еще раз! – сказал Ганс. – Свежо предание, а...

Он поднял свои светлые, серые глаза и опустил их, продолжая рисовать кораблики.

Пожилый сутуловатый господин с проседью в бороде и усталыми, нервными глазами, окинул всех продолжительным, озабоченным взглядом и, взяв листик бумаги, лежавший перед ним, начал читать ровным, грудным голосом:

«К вам едет провокатор. Должен прибыть 28-го. Приметы: молодой, черные усы, карие глаза, выдает себя за студента; левый глаз немного косит. Примите его, как следует. Районный комитет, 23-е июля».

– Оттуда письмо идет два дня, – продолжал Валентин Осипович, кончив чтение. – Одно из двух: или его задержали, или бросили слишком поздно. Я, как заведующий конспиративной частью, – улыбнулся он, – поступил, быть может, слишком конспиративно, уничтожив конверт, так что подтвердить второе предположение теперь невозможно. Но оно всего вероятнее, ибо полиция не отправляет адресатам такие документы, раз они попадутся ей в руки...

– Левый глаз косит, – сказал про себя Валерьян, юноша могучего телосложения, с целой копной черных волос, из-под которой сверкали маленькие глаза-буравчики. – Да... дождались!..

Опять наступило молчание. Дверь из соседней комнаты раскрылась, и на пороге появилась девушка. Она стояла, держась одной рукой за косяк двери, другой – за свою собственную косу, перекинутую через плечо. Лицо ее было уверенно и красиво.

– Ну?! – сказала она.

Но все молчали. Валерьян тряс гривой, гневно побряхтывая; Давид вертел большими пальцами рук, поджав нижнюю губу. Ганс рисовал и ломал карандаш.

– Ну? – повторила девушка, и глаза ее рассердились.

– Мы придем пить чай после, Нина, – сказал Ганс, рисуя шхуну с распущенными парусами. – Нам очень жарко...

Никто не улыбнулся на шутку. Девушка исчезла, нетерпеливо хлопнув дверью.

– Теперь будем думать! – сказал Давид. – Что ж? Надо решать как-нибудь... Грязное дело получается...

– К порядку, господа! Валентин Осипович, возьмите на себя председательство!.. – раздраженно крикнул Сергей, пятый член комитета, высокий, с впалой, чахоточной грудью.

– Прекрасно!

Валентин Осипович выпрямился на стуле и провел рукой по волосам, еще густым и волнистым.

– Итак, – сказал он, – пусть Ганс расскажет нам про него...

– Я расскажу то, что уже рассказывал...

Сказав это, Ганс бросил наконец рисовать и поднял свою круглую, стриженую голову с твердыми, крупными чертами лица. Холодные, серые глаза его были серьезны, а рот улыбался.

– Третьего дня... я сплю. Приходят и говорят: «Вас спрашивают»... Ну... встал... Входит молодой человек, черноусый, карие глаза... левый глаз заметно косит. Сказал явку, честь честью... «Приехал, – говорит, – работать, а по специальности – агитатор и дискуссиянер...» Я ему сказал сперва, что денег в комитете мало, но так как люди у нас нужны, а денег все равно добудем же когда-нибудь, то он и решил остаться... Вот.

Сказав это, Ганс взял карандаш и приделал флаг к мачте, а на флаге написал: «П.С.Р.»¹

– Откуда он приехал? – отрывисто буркнул Валерьян.

– Из Самары. Знает тамошнюю публику. Физиономия внушает доверие... Обращение – ровное, голос уверенный, спокойный... Говорит, что бывший студент...

– Да, нет сомнения – это он... – задумчиво произнес Валентин Осипович.

– Ну, товарищи, ваше мнение?

– Я, Валентин Осипыч, – покраснел Давид, – думаю, что... это может выйти ошибка... По всему видно, что он – бывалый парень... Вчера, например, он, еще не отдохнув, как расщипал эсдеков² у Симона на заводе! В лоск прямо положил!.. А это значит, что он не младенец...

– А кто давно работает... – тот не может быть провокатором? Милейший юноша, – улыбнулся Валентин Осипович, – вы еще плохо знаете людей... Я за свою жизнь знал таких, что работали годами в партии, а потом делались шпионами... Эволюция эта проклятая, знаете ли, незаметно происходит... Устанет человек, озлобится, – вот вам и готово субъективное отношение... А тут один шаг к дальнейшему... А этот – Костя, кажется, его зовут – еще молод, а на мягком воске молодости сплошь и рядом можно написать что угодно...

У Ганса опять сломался карандаш, и он с ожесточением принялся чинить его, стругая так, что куски дерева летели во все стороны. Опять наступило молчание, и каждый думал о том, что сказал старей, опытный революционер.

– Ну, вот что, товарищи, – продолжал Валентин Осипович. – Я хотя и старше вас, и прислан с директивами от ЦК, и знаю весь объем опасности, грозящей делу революции в крае, но всецело предоставляю решение этого дела вам, во-первых, – потому, что оно просто и ясно, а во-вторых, – потому, что у меня много более важных дел... А вы уж сами справьтесь.

– Да, – промолвил Ганс, – придется того...

Он не договорил, но каждый понял его жест и мысль...

– Это надо сделать скорее, – невозмутимо продолжал Ганс, отделивая корму большого океанского парохода. – Вы меня простите, товарищи, но чем скорее переговорить об этом неприятном деле, тем лучше... Кто же возьмет на себя руководство этим... предприятием? – спросил он, оглядывая всех. Рот его улыбался.

– Ганс прав, – сказал Валентин Осипович. – Сделав так, мы избавим не одних себя, а все организации от риска провала.

– Ну, кто же? – спросил Ганс еще раз и, откинувшись на спинку стула, склонил голову набок, любясь рисунком. Затем, подождав немного, добавил два-три штриха и сказал:

– Я возьму. Завтра пойду к Еремею. Доверяете, или... может быть – кто-нибудь другой хочет?

---

¹ П.С.Р. – партия социалистов-революционеров, сокращенно эсеров.

² Эсдеки (сокращ.) – социал-демократы, члены РСДРП.

– Нет уж, спасибо, – сморщился Давид, расширив свои голубые глаза. – Валяйте вы.

– А вы не хотите, Валерьян? – улыбнулся Ганс.

– Ах, оставьте, пожалуйста! – болезненно крикнул Сергей. – Нельзя из этого делать шуток!..

– Ну, хорошо! Провокатора съем! – совсем уже рассмеялся Ганс. Валентин Осипович тоже улыбнулся.

Снова вошла Нина, и все поднялись, не дожидаясь ее недовольного «ну!». Зазвенели чайные ложки, и Валентин Осипович стал рассказывать о жизни в Якутске и сибирских чалдонах. Рассказывал он очень интересно, с увлечением, и все смеялись, а у Ганса улыбался рот.

II

На улице было темно и тихо. Ганс провожал Валентина Осиповича домой. Они шли медленно; молодой человек сердито стучал тросточкой о деревянные тумбы, спутник его курил папиросу. Вечер был теплый и нежный, и в душу ползла легкая дремота очарования, мешая разговаривать и вызывая в голове неясные, сладкие воспоминания, полные неопределенной тоски о будущем. Юноша совсем размяк и молчал. Валентин Осипович изредка делал кое-какие замечания, касающиеся завтрашней сходимки у Синего Брода, где еще раз должны были померяться силами две партии. Он негодовал и сердился.

– Совершенно я не понимаю и не признаю этих дебатов... Смешные эти петушинные бои... Честное слово...

– Нельзя, Валентин Осипович, – возразил наконец Ганс. – У нас всего восемь кружков, а у социал-демократов 30. И что всего замечательнее: у нас масса литературы крестьянской, рабочей – и все же как-то дело подвигается туговато... А они жарят без литературы, и у них кружки растут, как грибы.

– Ничего удивительного... В рабочих говорит классовый инстинкт... Зато мы монополизировали крестьянство...

– И потом – у эсдеков здесь есть типография, а у нас все еще процветает кустарничество...

– Ну, это, знаете, не важно, по-моему... Можно и на гектографе³ сделать хорошо...

– Можно, да здешние уврие⁴ – весьма балованный народ: подавай им непременно печатные, а гектограф, мимеограф и т. п. они и знать не хотят...

– Очень скверно. Со временем можно будет наладить и типографию... А теперь надо устроить с провокатором. Вы как думаете?

– О! Я сам не хочу здесь мараться... Просто передам в дружину, а там пусть как хотят... Ну, окажу, конечно, косвенное содействие.

– Смотрите, будьте осторожнее. Вы – ценный человек для революции.

---

³ Гектограф, мимеограф – копировальные аппараты, при помощи которых размножали рукописный или машинописный текст.

⁴ Уврие (франц. ouvrier) – рабочий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.